

**МИХАИЛ
КУЗМИН**

**«ПРИКОСНОВЕНИЕ ПАЛЬЦЕВ
ТОНКИХ...»**

Санкт-Петербург

ИЗ КНИГИ «СЕТИ»

Мои предки

Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимая веселых иностранок;
франты тридцатых годов,
подражающие д'Орсэ и Брюммелю,
внося в позу дэнди
всю наивность молодой расы;
важные, со звездами, генералы,
бывшие милыми повесами когда-то,
сохраняющие веселые рассказы за ромом,
всегда одни и те же;
милые актеры без большого таланта,
принесшие школу чужой земли,
играющие в России «Магомета»
и умирающие с невинным вольтерьянством;
вы — барышни в бандо,
с чувством играющие вальсы Маркалью,
вышивающие бисером кошельки
для женихов в далеких походах,
говеющие в домовых церквах
и гадающие на картах;
экономные, умные помещицы,

хвастающиеся своими запасами,
умеющие простить и оборвать
и близко подойти к человеку,
насмешливые и набожные,
встающие раньше зари зимою;
и прелестно-глупые цветы театральных
училищ,
преданные с детства искусству танцев,
нежно развратные,
чисто порочные,
разоряющие мужа на платья
и выдающие своих детей полчаса в сутки;
и дальше, вдали — дворяне глухих уездов,
какие-нибудь строгие бояре,
бежавшие от революции французы,
не сумевшие взойти на гильотину, —
все вы, все вы —
вы молчали ваш долгий век,
и вот вы кричите сотнями голосов,
погибшие, но живые,
во мне: последнем, бедном,
но имеющем язык за вас,
и каждая капля крови
близка вам,
слышит вас,
любит вас;
и вот все вы:
милые, глупые, трогательные, близкие,
благословляйтесь мною
за ваше молчаливое благословенье.

Любовь этого лета

П. К. Маслову

* * *

Где слог найду, чтоб описать прогулку,
Шабли во льду, поджаренную булку
И вишен спелых сладостный агат?
Далек закат, и в море слышен гулко
Плеск тел, чей жар прохладе влаги рад.

Твой нежный взор, лукавый и манящий,
Как милый вздор комедии звенящей
Иль Мариво капризное перо.
Твой нос Пьеро и губ разрез пьянящий
Мне кружит ум, как «Свадьба Фигаро».

Дух мелочей, прелестных и воздушных,
Любви ночей, то нежащих, то душных,
Веселой легкости бездумного житья!
Ах, верен я, далек чудес послушных,
Твоим цветам, веселая земля!

* * *

Глаз змеи, змеи извивы,
Пестрых тканей переливы,
Небывалость знойных поз...
То бесстыдны, то стыдливы
Поцелуев все отливы,
Сладкий запах белых роз...

Замиранье, обниманье,
Рук змеистых завиванье
И искусный трепет ног...
И искусное лобзанье,
Легкость близкого свиданья
И прощанье чрез порог.

* * *

Ах, уста, целованные столькими,
Столькими другими устами,
Вы пронзаете стрелами горькими,
Горькими стрелами, стами.

Расцветете улыбками бойкими
Светлыми весенними кустами,
Будто ласка перстами легкими,
Легкими милыми перстами.

Пилигрим, разбойник ли дерзостный —
Каждый поцелуй к вам доходит.
Антиной, Ферсит ли мерзостный —
Каждый свое счастье находит.

Поцелуй, что к вам прикасается,
Крепкою печатью ложится,
Кто устам любимым причащается,
С прошлыми со всеми роднится.

Взгляд мольбы, на иконе оставленный,
Крепкими цепями там ляжет;

Древний лик, мольбами прославленный,
Цепью той молящихся вяжет.

Так идешь местами ты скользкими,
Скользкими, святыми местами. —
Ах, уста, целованные столькими,
Столькими другими устами.

* * *

Умывались, одевались,
После ночи целовались,
После ночи, полной ласк.
На сервизе лиловатом,
Будто с гостем, будто с братом,
Пили чай, не снявши маск.

Наши маски улыбались,
Наши взоры не встречались,
И уста наши немые.
Пели «Фауста», играли,
Будто ночи мы не знали,
Те, ночные, те — не мы.

* * *

Зачем луна, поднявшись, розовеет,
И ветер веет, теплой неги полн,
И челн не чуёт змейной зыби волн,
Когда мой дух всё о тебе говеет?

Когда не вижу я твоих очей,
Любви ночей воспоминанья жгут, —
Лежу — и тут ревниво стерегут
Очарованья милых мелочей.

И мирный вид реки в изгибах дальних,
И редкие огни неспящих окон,
И блеск изломов облачных волокон
Не сгонят мыслей, нежных и печальных.

Других садов тенистые аллеи —
И блеск неверный утренней зари...
Огнем последним светят фонари...
И милой резвости любовные затеи...

Душа летит к покинутым забавам,
В отравках легких крепкая есть нить,
И аромата роз не заглушить
Простым и кротким сельским,
летним травам.

* * *

Мне не спится: дух томится,
Голова моя кружится
И постель моя пуста, —
Где же руки, где же плечи,
Где ж прерывистые речи
И любимые уста?..

Одеяло обвивало,
Тело знойное пылало,

За окном чернела ночь...
Сердце бьется, сухи руки.
Отогнать любовной скуки
Я не в силах, мне невмочь...

Прижимались, целовались,
Друг со дружкою сплетались,
Как с змеею паладин...
Уж в окно запахла мята,
И подушка вся измята,
И один я, всё один...

* * *

Каждый вечер я смотрю с обрывов
На блестящую вдали поверхность вод:
Замечаю, какой бежит пароход:
Каменский, Волжский или Любимов.
Солнце стало совсем уж низко,
И пристально смотрю я всегда,
Есть ли над колесом звезда,
Когда пароход проходит близко.
Если нет звезды — значит почтовый,
Может письма мне привезти.
Спешу к пристани вниз сойти,
Где стоит уже почтовая тележка готовой.
О, кожаные мешки с большими замками,
Как вы огромны, как вы тяжелы!
И неужели нет писем от тех, что мне милы,
Которые бы они написали своими дорогими
руками?
Так сердце бьется, так ноет сладко,

Пока я за спиной почтальона жду
И не знаю, найду письмо или не найду,
И мучит меня эта дорогая загадка.
О, дорога в гору уже при звездах.
Одному, без письма!
Дорога — пряма.
Горят редкие огни, дома в садах, как в гнездах.
А вот письмо от друга: «Всегда вас вспоминаю,
Будучи с одним, будучи с другим».
Ну что ж, каков он есть, таким
Я его и люблю и принимаю.
Пароходы уйдут с волнами,
И печально гляжу вослед им я —
О мои милые, мои друзья,
Когда же опять я увижусь с вами?

* * *

Сижу, читая, я сказки и были,
Смотрю в старых книжках умерших портреты.
Говорят в старых книжках умерших портреты:
«Тебя забыли, тебя забыли...»

— Ну, что же делать, что меня забыли,
Что тут поможет, старые портреты? —
И спрашивал: что поможет, старые портреты,
Угрозы ли, клятва ль, мольбы ли?

«Забудешь и ты целованные плечи,
Будь, как мы, старым влюбленным портретом:
Ты можешь быть хорошим влюбленным
портретом

— Я умираю от любви безмерной!
Разве вы не видите, милые портреты? —
«Мы видим, мы видим, — молвили портреты, —
Что ты — любовник верный, верный
и примерный!»

Так читал я, сидя, сказки и были,
Смотря в старых книжках умерших портреты.
И не жалко мне было, что шептали портреты:
«Тебя забыли, тебя забыли».

* * *

Я изнемог, я так устал.
О чем вчера еще мечтал,
Вдруг потеряло смысл и цену.
Я не могу уйти из плену
Одних лишь глаз, одних лишь плеч,
Одних лишь нежно-страстных встреч.

Как раненый, в траве лежу,
На месяц молодой гляжу.
Часов протяжных перемена,
Любви всё той же — не измена.
Как мир мне чужд, как мир мне пуст,
Когда не вижу милых уст!

О радость сердца, о любовь,
Когда тебя увижу вновь?
И вновь пленительной отравой
Меня насытит взор лукавый,
И нежность милых прежних рук
Опять вернет мне верный друг?

Лежу и мыслю об одном:
Вот дальний город, вот наш дом,
Вот сад, где прыгают гимнасты,
Куда сходились мы так часто.
О, милый дом!.. о, твой порог!
Я так устал, так изнемог...

* * *

Ничего, что мелкий дождь смочил одежду:
Он принес с собой мне сладкую надежду.

Скоро, скоро этот город я покину,
Перестану видеть скучную картину.

Я оставшиеся дни, часы считаю,
Не пишу уж, не гуляю, не читаю.

Скоро в путь — так уж не стоит приниматься.
Завтра утром, завтра утром собираться!

Долгий путь, ты мне несносен и желанен,
День отъезда, как далек ты, как ты странен!

И стремлюсь я, и пугаюсь, и робею,
В близость нежной встречи верить я не смею.

Промелькнут луга, деревни, горы, реки,
Может быть, уж не увижу их вовеки.

Ничего-то я не вижу и не знаю, —
Об очах, устах любимых лишь мечтаю.

Сколько нежности в разлуке накоплю я —
Столь сильнее будет сладость поцелуя.

И я рад, что мелкий дождь смочил одежду:
Он принес с собой мне сладкую надежду.

* * *

Пароход бежит, стучит,
В мерном стуке мне звучит:
«Успокойся, друг мой, скоро
Ты увидишь нежность взора,
Отдохнешь от скучных мук
В сладких ласках прежних рук».

Сплю тревожно; в чутком сне
Милый друг всё снится мне:
Вот прощанье, вот пожатья,
Снова встреча, вновь объятья
И разлукой стольких дней
Час любви еще сильней.

Под окошком я лежу
И в окно едва гляжу.
Берега бегут игриво,
Будто Моцарта мотивы,
И в разрывы светлых туч
Мягко светит солнца луч.

Я от счастья будто пьян.
Все милы мне: капитан,

Пассажиры и матросы,
Лишь дорожные расспросы
Мне страшны, чтобы мой ум
Не утратил ясных дум.

Пароход бежит, стучит,
В мерном стуке мне звучит:
«Успокойся, друг мой, скоро
Ты увидишь нежность взора,
Отдохнешь от скучных мук
В сладких ласках прежних рук».

Июнь—август 1906

Прерванная повесть

МОЙ ПОРТРЕТ

Любовь водила Вашуею рукою,
Когда писали этот Вы портрет,
Ни от кого лица теперь не скрою,
Никто не скажет: «Не любил он, нет».

Клеймом любви навек запечатленны
Черты мои под Вашуею рукою;
Глаза глядят, одной мечтой плененны,
И беспокоен мертвый их покой.

Венок за головой, открыты губы,
Два ангела напрасных за спиной.
Не поразит мой слух ни гром, ни трубы,
Ни тихий зов куда-то в край иной.

Лишь слышу голос Ваш, о Вас мечтаю,
На Вас направлен взгляд недвижных глаз.
Я пламенею, холодею, таю,
Лишь приближаясь к Вам, касаясь Вас,

И скажут все, забывши о запрете,
Смотря на смуглый, томный мой овал:
«Одним любовь водила при портрете —
Другой — его любовью колдовал».

В ТЕАТРЕ

Переходы, коридоры, уборные,
Лестница витая, полутемная;
Разговоры, споры упорные,
На дверях занавески нескромные.

Пахнет пылью, скипидаром, белилами,
Издали доносятся овации,
Балкончик с шаткими перилами,
Чтоб смотреть на полу декорации.

Долгие часы ожидания,
Болтовня с маленькими актрисами,
По уборным, по фойе блуждание,
То в мастерской, то за кулисами.

Вы придете совсем неожиданно,
Звонко стуча по коридору, —
О, сколько значенья придано
Походке, улыбке, взору!

Сладко быть при всех поцелованным.
С приветом, казалось бы, бездушным,
Сердцем внимать окованным
Милым словам равнодушным.

Как люблю я стены посыревшие
Белого зрительного зала,
Сукна на сцене серевшие,
Ревности жало!

НА ВЕЧЕРЕ

Вы и я, и толстая дама,
Тихонько затворивши двери,
Удалились от общего гама.

Я играл Вам свои «Куранты»,
Поминутно скрипели двери,
Приходили модницы и франты.

Я понял Ваших глаз намеки,
И мы вместе вышли за двери,
И все нам вдруг стали далёки.

У рояля толстая дама осталась,
Франты стадом толпились у двери,
Тонкая модница громко смеялась.

Мы взошли по лестнице темной,
Отворили знакомые двери,
Ваша улыбка стала более томной.

Занавесились любовью очи,
Уже другие мы заперли двери...
Если б чаще бывали такие ночи!

СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ

Целый день проведем мы сегодня вместе!
Трудно верить такой радостной вести!
Вместе будем ездить, ходить друг за другом
следом;
Вы — в своей голландской шапке, с пледом.
Вместе визиты, — на улицах грязно...
Так любовно, так пленительно-буржуазно!
Мы верны правилам веселого быта —
И «Шабли во льду» нами не позабыто.
Жалко, что вы не любите «Вены»,
Но отчего трепещу я какой-то измены?
Вы сегодня милы, как никогда не бывали,
Лучше Вас другой отыщется едва ли.
Приходите завтра, приходите с Сапуновым, —
Милый друг, каждый раз Вы мне кажетесь
новым!

КАРТОННЫЙ ДОМИК

Мой друг уехал без прощанья,
Оставив мне картонный домик.
Милый подарок, ты — намек или предсказанье?
Мой друг — бездушный насмешник
или нежный комик?
Что делать с тобою, странное подношение?
Зажгу свечу за окнами из цветной бумаги.

